

Секция III

**ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНЫЕ
КОНТЕКСТЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ
КОНЕЦ XIX в. — 1920-е гг.**

Барбара Алперн Энгел

**СЕМЕЙНЫЙ ДЕСПОТИЗМ И ПРАВА ЛИЧНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ ЛИЧНОГО НА ЗАКАТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

23 декабря 1896 г. Анастасия Новокрещенова направила царю Николаю II петицию, в которой излагала просьбу предоставить ей право проживать отдельно от ее мужа Петра, купца из поволжского города Самары. «Муж мой — человек в высшей степени грубый, ведущий порочный образ жизни, с буйным характером, так что жизнь моя в замужестве за ним проходила в полном отчаянии и из года в год становилась все невыносимей. Однажды, будучи в гостях у моего отца, он не стеснялся присутствия родных и знакомых, побил меня... Жизнь моя еще более ухудшилась, когда лет шесть тому назад мой муж заболел венерической болезнью... Он, не стесняясь моим присутствием, позволял себя пошлые заигрывания и гнусности с моими горничными... бил меня и выгонял из спальни и заставлял спать за печкой в передней...»¹. Эта петиция была одним из десятков тысяч подобных прошений, адресованных несчастными в замужестве женщинами коронованным особам в период царствования Александра III и Николая II. Она типична во многих отношениях. Как и в большинстве других, в ней подчеркивались беспомощность жертвы и ее преследование со стороны мужа-тирана и также, как во всех других, содержалась просьба к монарху о немедленном избавлении от страданий. Тем самым прошение Новокрещеновой представляет собой классический пример отношений между просителем и правителем в условиях абсолютной монархии.

Историк Шейла Фицпатрик утверждает, что в России петиции, адресованные правителю, делились на две основные категории, отражавшие два разных типа

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 224. Д. 34 (А. Новокрещенова). Л. 1.

взаимоотношений между властителем и его субъектом. Первый из них является подтверждением существовавшей политической иерархии. Здесь просительница предстает жертвой и формулирует свое прошение языком покорности в поисках покровительства и «в выражениях смирения, с надеждой на благосклонность царя». Этот тип прошений демонстрирует «прототипичное выражение отношений между субъектом и правителем в патерналистском государстве». Второй тип отношений является более эгалитарным, и здесь просительница представляет себя не столько субъектом, сколько активным участником, требующим признания своих прав как «гражданская личность»¹. По мнению Фицпатрик, эти два типа — взаимоисключающие. Я тем не менее хочу показать, что в конце XIX в. различие между этими двумя моделями самопрезентации — подданный или гражданин — было уже не столь явно очерчено.

В некоторых случаях, и случай Новокрещеновой к ним относится, просительница представляет себя не только жертвой, т. е. описывает плохое к себе отношение и свое страдание и просит избавления от него, но и предстает активным субъектом, под которым я подразумеваю по крайней мере человека, способного действовать по своему собственному усмотрению, даже под воздействием извне². Женщины с достатком и/или находившиеся в привилегированном положении выражались в таком гибридном тоне чаще, чем их более бедные и смиренные сестры, хотя и последние иногда поступали так же. Возможно, хоть это и неожиданно для меня, царские чиновники иногда были восприимчивы к стилю самоутверждения, и им симпатизировала идея о существовании женских «прав». Для изучения размытой границы между нижней просьбой и самоутверждением я сосредоточусь на двух политически звучных лексиконах, использовавшихся женщинами для выражения своей правомочной личности и принятых к употреблению самими царскими чиновниками.

Женщины, такие как Новокрещенова, апеллировали к царю, с тем чтобы обойти препоны патриархального российского семейного законодательства, служившего вплоть до начала XX в. основой авторитарного политического режима. Базируясь на отношениях подчинения и повиновения, семейное законодательство предоставляло мужьям практически абсолютную власть над их женами, так же как и родителям над их детьми. Закон предписывал жене «повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании...»³. Положение закона об обязательном сожителе супружеских пар еще более усиливало власть мужа, который при желании имел право вызвать полицию или потребовать возвращения своей беглой жены под конвоем — выход, недоступный для брошенных жен. Для трудоустройства, обучения или приобретения внутреннего паспорта, при условии проживания за пределами тридцати верст от официального места жительства мужа, замужней женщине требовалось разрешение супруга. Императорское законодательство почти ни-

¹ Fitzpatrick S. Editor's Introduction, *Russian History / Histoire Russe*. V. 24, nos. 1–2 (Spring-Summer 1997). P. 4, 6.

² Определение взято из: Ortner Sh. *Anthropology and Social Theory: Culture, Power and the Acting Subject*. Durham, NC, 2006. P. 110.

³ Свод законов Российской империи. СПб, 1857. Т. 10. Ч. 1. Ст. 107.

как не ограничивало матримониальные права мужей и не предоставляло женам, подвергшимся насилию со стороны супругов, никакой защиты, помимо случаев угрозы для жизни. Развод, оформлявшийся не гражданским, а церковным судом, был дорогим, сложным и унижительным процессом. Русская православная церковь разрешала развод с большой неохотой и только на основании измены, брошенности, половых расстройств, каторги или ссылки — но не жестокого обращения. Нежелание государства вмешиваться в семейные дела только укрепляло и так почти абсолютную власть мужей над их женами.

В других европейских странах с жесткими ограничениями на развод, например в Италии, предохранительным клапаном служило раздельное проживание супругов — уместная альтернатива разводу. Но не в России, где закон четко и ясно запрещал раздельное проживание¹. Тем не менее исключения делались, и раздельное проживание разрешалось, но только в индивидуальном и ограниченном порядке. Мужчинам же, не желавшим жить со своими женами, никакого разрешения не требовалось, они просто от своих жен уходили. Кроме того, супружеским парам разрешалось разойтись по взаимной договоренности. Но если жена хотела отделиться от супруга, а он настаивал на своих супружеских правах, единственным выходом для нее было официальное прошение к властям, которые могли разрешить ей иметь собственный паспорт без согласия мужа. Суды в таких случаях были бессильны. На административной вершине находилась канцелярия по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых (далее «канцелярия»). Нечто вроде последнего апелляционного суда для несчастных в замужестве женщин, эта канцелярия проводила расследования и принимала решения по заявлениям, поступавшим от Новокрещеновой и десятков тысяч женщин, ей подобных.

Канцелярия была очень консервативным органом, и служили в ней закоренелые бюрократы, преданные трону и руководимые людьми, особенно близкими к правителю и действовавшими от его имени. Будучи «призванной примирять вечное противоречие между суровым законом и требованиями высшей справедливости», она имела право превысить закон, запрещавший раздельное проживание супругов, и, если расследование подтверждало претензии жены, разрешала ей иметь собственный вид на жительство, позволявший ей проживать отдельно².

В этом глубоко консервативном контексте особенно значительными мне представляются два лексических выражения, свойственных прошениям униженных женщин и показаниям свидетелей. Оба они имеют корни в языке 1860-х гг. и, смею утверждать, органически друг с другом связаны. Одно из них — «семейный деспотизм», второе относится к правам человека, воплощенным в термине «личность». Оба эти выражения вошли в обиход в период реформ, во времена

¹ Там же. С. 103.

² *Писарев С.Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее имя, 1810–1910 гг. Исторический очерк. СПб., 1909. С. 138. О канцелярских служащих см.: *Engel B. A.* In the Name of the Tsar: Competing Legalities and Marital Conflict in Late Imperial Russia // *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. N 1, March. P. 70–96.

протеста против крепостничества, авторитарности и всякого рода иерархических отношений. Они в равной мере испытали на себе влияние современной им критической идеологии, следы которой они сохранили и в будущем. Термин «деспот» буквально означает следующее: «человек, не признающий чужой воли и чужих желаний, подчиняющий других своей, иногда злой, воле»¹. В 60-е гг. XIX в. понятие «деспот» подразумевало не только личные права, неотъемлемые и ненарушимые, но и критику существующих властных отношений. Эта критика была, например, сформулирована в знаменитой статье Н.А. Добролюбова «Темное царство», опубликованной в 1859 г. Основываясь на материале пьес А.Н. Островского, Добролюбов постоянно обличает «самодуров» и их «домашний деспотизм». Для Добролюбова и его соратников слово «деспотизм» имело как личное, так и политическое значение, происходившее из российского патриархального порядка. С одной стороны, этот термин означал ничем не ограниченную законом власть правителей — царей, мужей и отцов, а с другой — содержал имплицитную критику властей, осуждая «необузданное и незаконное подчинение свободной воли другого человека»².

В частности, определение «деспот» можно было встретить на страницах нравоучительной литературы. В последней четверти XIX в. она содействовала не только популяризации понятия привязанности к семейному очагу и роли женщины в его создании, но и переопределению понятия мужественности, повышая требования к мужчинам. Так, «Полный письмовник и советы молодым людям», опубликованный в 1897 г., предупреждал, что права мужа не должны доходить до крайности «деспотизма»³. Анонимно изданная в 1900 г. «Настольная книга для молодых супругов» в 3-м издании 1911 г. содержала утверждение, что мужья иногда настолько поддаются своему ощущению власти, что становятся невыносимыми деспотами в глазах их жен⁴. В книге «Как выйти замуж и быть счастливой» говорилось, что хотя жене и следует соглашаться с мужем в спорных вопросах, она ни в коем случае не должна рабски исполнять желания своего «деспота-мужа»⁵.

Более важным для самовыражения женщин, однако, был лексикон личностный, который я рассматриваю во взаимоотношении с термином «деспотизм». Термин «личность» когда-то означал просто индивидуальное человеческое существо, но к середине XIX в., по крайней мере для либералов, он получил смысл борьбы индивидуума за независимость и за право самовыражения, не ограниченное деспотическим произволом властей. В этом суть понятия, включенного Е.Н. Водозовой в ее богатые описаниями воспоминания о 1860-х гг.: «Эмансипация личности была лозунгом, краеугольным камнем учения шестидесятых

¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1954. Т. 3. С. 739–740.

² Добролюбов А.Н. Избранные сочинения / Сост. А. Лаврецкий. М.; Л., 1947. С. 126–127.

³ Полный письмовник и советы молодым людям, как держать себя в обществе, безошибочно делать выбор жениха и невесты и быть счастливым в супружеской жизни / Сост. И. К-в. М., 1897. С. 204.

⁴ Настольная книга для молодых супругов с полным изложением правил супружеской жизни. М., 1911. С. 12.

⁵ Как выйти замуж и быть счастливой в супружеской жизни. М., 1909. С. 44.

годов»¹. Это более широкое понимание термина «личность», как и понятия «деспотизм», изначально проявившееся в кругах людей более образованных и привилегированных, к концу века возымело всеобъемлющий резонанс. Оно теперь использовалось представителями и более низких ступеней социальной лестницы для обозначения как минимум их чувства собственного достоинства, ценности их человеческого существа и их права на соответственное к ним обращение².

Термин «личность» можно встретить и в нравоучительной литературе, и даже в ее более консервативных вариантах, где он служил цели укрепления статуса жены. Так, в опубликованных в 1882 г. «Брачных удовольствиях» указывалось, что взаимоотношения между полами всегда должны быть присущи радость, снисхождение, глубокая привязанность и неограниченное взаимоуважение. И хотя жене предписывается делать всё возможное для удовлетворения своего супруга, она ни в коем случае не должна покоряться ему во всем без исключения, подавляя ради мужа свою собственную «личность». Автор этого нравоучения добавляет, что женщине следует защищать свои «права» в браке³. В. Силов, выступавший с позиций истинного христианина, в своих советах замужним женщинам, впервые опубликованных в 1884 г. и переизданных в расширенном виде в 1897 г., также подчеркивал важность чувства собственного достоинства супруги. Силов настаивал на фундаментальном равенстве мужчины и женщины в браке, что отражало «либеральный вариант» православного идеала домоустройства, подразумевавший элемент женского самоуправления. Женщина, как и мужчина, писал Силов, есть «звено в нравственном мире, она *личность*» (выделено в оригинале. — Б.Э.). С христианской точки зрения, женщина одарена «личными жизненными правами», защищенными религией и государством. В своей собственной женской сфере она является равноправным субъектом, она есть «свободное существо»⁴.

Идеи, относящиеся к достоинству женщины в браке и ограничению мужской власти над ней, обогатили тот лексикон, который женщины использовали для самовыражения и самопонимания. Они помогли расширить определения супружеской жестокости, включив в них помимо физического насилия оскорбление чувства собственного достоинства. Они также предоставили женщинам тот язык, которым они могли описать свои страдания от рук своих супругов в манере, представлявшей их более чем просто жертвами насилия. Они тем самым дали женщинам возможность описывать свои оскорбленные чувства и осуждать своих супругов, утверждая в то же время неотъемлемое достоинство женщины и ее ценность как правомочной личности. В этом смысле лексикон правомочности

¹ Водовозова Е.Н. На заре жизни: В 2 т. М., 1964. Т. 2: Мемуарные очерки и портреты. С. 194–195.

² О терминологии, использовавшейся в рабочей среде, см.: *Smith S. A. The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia // Past and Present. 1998. N 160. P. 178.*

³ Брачные удовольствия. Практические врачебные и не врачебные наставления вступившим в брак. М., 1882. С. 16–17.

⁴ Силов В. Женщина замужем. Исследование о физических, душевных и нравственных обязанностях и правилах замужних женщин. М., 1897. С. 10–11.

служил женщинам так же, как он служил рабочим мужского пола. Чаще всего такие женщины происходили из привилегированных слоев общества и в отличие от представителей какой-то социальной группы (например, рабочих) выражали себя в качестве самодостаточной личности.

В некоторых случаях чувство права личности выражено не столько явно, сколько имплицитно. Так, в 1894 г. мещанка Зинаида Агафонова обвиняла своего супруга в жестоком обращении, которым он ответил на отказ переписать на него ее имущество. В своей петиции она писала, что ее муж действовал «ради неискоренившегося в нем понятия, что он муж и поэтому волен поступать со мною как ему заблагорассудится»¹. Другой пример предоставляет Анастасия Новокрещенова, с чьей петиции я начала свой доклад. В повторном прошении она уделила гораздо больше внимания несовместимости привычек и вкусов супругов, а также конфликтам, происходивших «часто из-за мелочей» — по сравнению с предыдущим описанием издевательств и насилия со стороны мужа. Наиболее значимым для моей аргументации являются ее усилия по защите собственной внутренней жизни и личных вкусов. Рассказывая о причинах распада своего брака, Новокрещенова детально описывает увертки, к которым ей приходилось прибегать ради любви к чтению: вдобавок к рукоделию она выбирала себе книгу и в присутствии мужа занималась рукоделием, которое, если он выходил, откладывала ради книги. Если он ее ловил за чтением, «то или тушил свечу, при которой читала, или вырывал из рук книгу и делал мне замечание в резкой и оскорбительной для меня форме». С годами их ссоры происходили всё чаще, вынуждая Анастасию искать свой внутренний мир, противоречивший ее повседневной жизни: «Я была вынуждена замкнуться в самое себя и совершенно отделить свою внутреннюю жизнь и свой духовный мир как от мужа, так и от своих родных, так как между ними не находилось ни одного человека, который мог бы мне посочувствовать и разделить мое угнетенное нравственное состояние»². В петиции отсутствуют многие детали, но в завершение Анастасия признает, что, исчерпав всё свое терпение, она в конце концов оставила своего супруга ради другого мужчины.

Другие просительницы обращались к теме прав личности прямо и определенно. В 1898 г. девятнадцатилетняя Вера Лазутина подала жалобу на своего мужа Владимира, купца второй гильдии и мастера-оружейника, из-за того, что он преследовал ее со своими обвинениями в супружеской неверности и безжалостно попирали достоинство ее «личности» как жены и матери. В его присутствии она становилась жалким «рабом» всех, кто ее окружал³. В петиции Лазутина утверждала, что она имеет право существовать, право любить и воспитывать своего сына.

Врач Илья Попов, приведший домой любовницу и заставлявший свою жену ее развлекать, действовал открыто, грубо и нагло, с полным презрением к чувствам и «личности» жены, о чем последняя, женщина благородного происхождения по имени София, заявляла в 1901 г.⁴ Московский купец Николай Волков на протя-

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 212. Д. 33. Л. 1 об.

² Там же. Оп. 224. Д. 34. Л. 25–26.

³ Там же. Оп. 222. Д. 13 (В. Лазутина, 1898). Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 226. Д. 111 (С. Попова, 1901). Л. 15.

жении многих лет имел тайную любовную связь, обнаруженную затем его супругой Марией, состоявшей с ним в браке тридцать лет. В описании их семейной жизни Мария указывала, что Николай не обращал никакого внимания на ее личные желания и не позволял ей никакой независимости. Он не признавал ее как «личность», считая ее неким «ничтожеством» без каких-либо прав¹. Анна Кузмина, жена пчеловода, в своем прошении 1906 г. утверждала, что с самых первых дней их брака ее муж относился к ней с презрением, как будто она была «какой-то принадлежащей ему вещь»². Александра Косульникова, жена купца, в 1908 г. заявляла: все 11 лет совместной жизни были «сплошным издевательством надо мной и порабощением меня как личности». В глазах своего супруга она просто не существовала как «личность», он требовал от нее неограниченного повиновения, и его чувства и мысли должны были стать ее чувствами и мыслями³.

В феминистском лексиконе подобные сравнения положения женщин с положением рабов стали в конце XIX в. общепринятыми. Как и упоминания деспотизма, они могли нести в себе и политический подтекст, напоминая призывы француенок в преддверии Революции и подобные им, подчеркивавшие, по выражению Джеффри Меррика, «политический смысл матримониальной борьбы»⁴. Такое осмысление очевидно в петиции Марии Толкачевой, дочери крестьянина и жены потомственного почетного гражданина, зарабатывавшего на жизнь земледелием. Ее прошение 1913 г. о выдаче паспорта изложено языком свободомыслия: с первых дней совместной жизни муж пытался превратить ее в «безответную рабу». Однако потребности жизни и молодости, а также трудность ее положения, дошедшего до полного «рабства», до «безответного» исполнения безмолвным человеческим животным приказов хозяина, — всё это вынудило ее разорвать путы «рабства» и бросить мужа даже без отдельного вида на жительство⁵. Тот факт, что подобные выражения появлялись в прошениях к органу, выступавшему от имени царя, свидетельствует о значительной степени убежденности некоторых женщин в том, что мужчины, облеченные властью, проявят уважение к правам представительниц женского пола.

В некоторых случаях ожидания таких женщин не оказывались ложными. Жандармы, расследовавшие дела женщин из привилегированных сословий и подававшие свои доклады чиновникам канцелярии, были склонны проявлять отзывчивость к жертвам попрания женских прав. Жандармами обычно были представители самых нижних слоев аристократии — привилегированные, но безземельные — и составлявшие весьма избранную категорию, своего рода «джентельменский клуб», по словам Доминика Ливена⁶. Наибольшую известность им принесло участие в подавлении политической оппозиции. Тем

¹ Там же. Оп. 214. Д. 82 (М. Волкова, 1903). Л. 19.

² Там же. Оп. 221. Д. 195 (А. Кузмина, 1906). Л. 18.

³ Там же. Д. 128 (А. Косульникова, 1908). Л. 1–2.

⁴ Merrick J. Sexual Politics and Public Order in Late Eighteenth century France: the Memoires secrets and the Correspondence secrete // Journal of the History of Sexuality. 1990. Vol. 1. P. 76.

⁵ РГИА. Ф. 1412. Оп. 229. Д. 53 (М. Толкачева, 1913). Л. 1.

⁶ Lieven D. The Security Police, Civil Rights and the Fate of the Russian Empire, 1855–1917 // Olga Crisp and Linda Edmondson, eds. Civil Rights in Imperial Russia. P. 252.

не менее при разрешении матримониальных конфликтов они иногда использовали лексикон, идентичный тому, к которому прибегали сами женщины. Так, в 1887 г. глава харьковской жандармерии докладывал, что купец Василий Парманин начал обращаться со своей женой Евлампией как с «рабом», после того как супруги переехали в свою собственную квартиру, где эта женщина лишилась покровительства своего отца. Что же именно делал этот Василий? Он устраивал ужасные сцены из-за самых ничтожных мелочей. Он отказывал своей жене, когда она просила сопроводить ее для участия в какой-нибудь вечеринке или просто на прогулку, однако же если она отправлялась туда с подругой, он оскорблял ее¹. Десятилетием позже другой жандарм из Калужской губернии применил термин «деспот» для характеристики инженера Дмитрия Козырева. Козырев был человеком безупречной морали, отдававшим всю свою зарплату семье и жившим только для семьи. Однако тяжелые обстоятельства его детства оставили на его характере свой отпечаток, сделав его раздражительным, нервным, гордым и несдержанным, при том что привычка полагаться лишь на самого себя сделала его трудным в общении и «деспотичным»².

Чиновники канцелярии были иногда склонны использовать тот же критический лексикон, особенно в случаях, связанных с женщинами из привилегированных классов. Они могли выразить обеспокоенность по поводу «человеческого достоинства» женщин и прибегнуть к образам рабства и деспотизма — чаще всего, но не исключительно — в случаях чрезмерного злоупотребления мужем своей властью. Пример использования такого лексикона в исключительном случае предоставляет решение 1894 г. по делу купца Василия Щербакова, обвиненного женой в том числе и в принудительных анальных половых актах. В докладе чиновники с осуждением писали, что Щербаков был «неразвитый», воспитанный в семье, где господствовало мнение, что «прочность семейных отношений» зиждется на полном подчинении жены воле своего супруга. В результате такого воспитания Щербаков рассматривал семью как «полное порабощение» жены, которая была обязана полностью повиноваться своему мужу³. Случай Варвары Куприяновой был не менее вопиющим. Ее муж Николай, купец и потомственный почетный гражданин, имел привычку возвращаться домой в 3 или 4 часа утра, будить жену и заставлять ее читать ему вслух до тех пор, пока он не засыпал, и кричать на нее, если на нее находила дремота, — и это помимо прочих злоупотреблений. Многие свидетели в этом деле сходились во мнении, что Куприянов — «деспот»⁴. Чиновники с этим также соглашались. Они подвели итог отношениям между супругами, отметив, что с течением времени просительница всё больше теряла свою силу воли и в конце концов стала игрушкой в руках «деспота-мужа», который подавил в своей жене всё человеческое и сделал ее «бессловесным рабом»⁵. Третий пример еще более показателен, и именно потому что он не столь необычен. В 1898 г. чиновники в своем докладе поддержали

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 226. Д. 16 (Е. Парманина, 1885). Л. 75.

² Там же. Оп. 221. Д. 62 (О. Козырева). Л. 46.

³ Там же. Оп. 236. Д. 8 (А. Щербакова, 1893). Л. 110, 113.

⁴ Там же. Оп. 221. Д. 213 (Б. Куприянова, 1901). Л. 10, 66, 76.

⁵ Там же. Л. 90.

усилия Марии Хлебниковой по сопротивлению попыткам ее мужа Владимира сломать ее волю. Они писали, что хотя жестокое обращение Владимира нанесло непоправимый ущерб здоровью Марии, она все равно продолжала отстаивать свою «личность» вопреки «нравственному насилию» со стороны мужа¹.

Чиновники канцелярии, таким образом, проявляли более великодушное понимание прав женщин в браке, чем то, что предлагалось патриархальным российским семейным законодательством, которое — и это стоит повторить — *требовало* от жен беспрекословного повиновения их мужьям. Тем не менее делали они это в характерной для них патерналистской манере. Они исправляли определенные злоупотребления и лишали особо непутевых мужей власти над их женами, оставляя при этом систему патриархальной власти в полной неприкосновенности. Однако к концу XIX в. в рядах чиновников наметилась готовность идти и дальше, то есть поддержать хоть и ограниченные, но реальные изменения в самой российской патриархальной правовой системе. По моему убеждению, на чиновников повлияли рассказы женщин о злоупотреблениях их мужей — свидетельства, убеждавшие их в том, что проблемы этих женщин были не просто результатом действий лишь отдельных негодяев, угрожавших своим поведением устоям патриархального семейного правопорядка, который следовало всячески оберегать. Чиновники наконец увидели, что эти проблемы также были, что еще более значительно, следствием определенных аспектов самой патриархальной системы. В 1902 г. барон Александр Будберг, бывший в то время главой канцелярии, высказался на этот счет прямо. В меморандуме царю Николаю II он объяснил причину того, что, несмотря на решения Правительствующего сената — высочайшего правового органа, имевшего дело с последствиями разделения в семьях, деятельность канцелярии оставалась всё так же необходимой. Он писал, что российское законодательство накладывало самое большое бремя на женщин: «В том подчиненном положении, которое занимают в семьях жены, будучи поставлены в полную зависимость от мужей, они вообще несравненно более, чем мужья, испытывают на себе тягостные последствия семейного разлада»².

Это изменение официальных взглядов на женское самосознание, с их критическим отношением к патриархальной правовой системе, было, по-моему, явлением уникальным. Оно эксплицитно нашло отражение в 1898 г. в ответе на законопроект по пересмотру семейного законодательства, представленный редакционной комиссией Гражданского кассационного отделения Сената. Проект, появившийся в результате многолетней работы, был компромиссом, имевшим целью преодолеть сопротивление консерваторов в деле усовершенствования семейного законодательства. В целях защиты жен и разрешения брачных конфликтов законопроект полагался главным образом не на развод, а на раздельное жительство супругов, основаниями для которого могли служить жестокое обращение, серьезное оскорбление, сифилитическое заболевание супруга, его пьянство, пренебрежение и отсутствие заботы о жене, а также бесстыдное и распутное поведение и чрезмерная расточительность.

¹ Там же. Оп. 232. Д. 9 (М. Хлебникова, 1899). Л. 133.

² Там же. Оп. 241. Д. 21. Л. 90 об.

Канцелярия отнеслась к законопроекту положительно, поскольку он предполагал узаконить раздельное проживание супругов и тем самым устранил бы участие чиновников в разрешении брачных конфликтов, переводя их под юрисдикцию судов. Ответ был составлен главой канцелярии Д.С. Сипягиным, вскоре ставшим министром внутренних дел. По его мнению, новый закон легализовал бы уже существовавшую канцелярскую практику и в то же время обозначил бы директивы для процессов по разрешению семейных разногласий¹. Сипягин, однако, считал законопроект слишком ограниченным. Предложенные им самим изменения отражали, с одной стороны, присущий консервативному и неправовому мышлению партикуляризм, а с другой — заботу о правах личности, причем значительно больших, чем те, что предусматривались законопроектом. Его предложения явно проистекали из многолетнего опыта чиновников, документировавших злоупотребления в браке.

Многие из предложенных изменений были существенными, и из них следовало, что официальные лица пришли к пониманию необходимости брачного «эмоционального идеала», в соответствии с которым и мужчина, и женщина равно пользуются своими супружескими правами. Критике подверглось слишком узкое определение распада брака: он включал «одну лишь материальную, физическую сторону супружеских отношений, предусматривая лишь самые грубые нарушения одним из супругов прав другого»². Сипягин также отмечал, что законопроект не предусматривал разделения супругов на основании несходства их характеров, т. е. в случаях, где не было «ни побоев, ни жестокого обращения, ни сколько-нибудь предосудительного поведения». Подобное несходство характеров особенно тягостно переживалось людьми утонченными, хорошего происхождения. Такого рода люди, «вполне нравственные, интеллигентные, образованные и благовоспитанные», находили супружескую жизнь невозможной «ввиду нравственного гнета, проистекающего от индивидуальных свойств их характеров, несоответствия привычек, воспитания и образования». Несходство характеров супругов, особенно в интеллигентной среде, делало невозможным поддержание их «нравственного общения»³.

Но несходство характеров лежало в основе конфликтов и у крестьянских пар — в результате их личного развития, которое не предшествовало их браку, а происходило впоследствии. Здесь особенно чувствуется влияние петиций от крестьянок (примерно 58% от всех прошений), тех, кто покинул свои деревни ради жизни в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах. В таких случаях, как отмечала канцелярия, крестьянка, отправившаяся, обычно с согласия супруга, работать в другом месте, оказывалась в трудном положении: после многих лет независимой жизни ее муж по той или иной причине требовал возобновления сожителства. Женщина же к этому времени изменилась настолько, что уже не могла вернуться к прежней жизни: она «спустя некоторое время настолько отвыкает от крестьянских работ и от условий деревенского быта, что возвращение на родину, к мужу, сделавшемуся для нее также чужим и в течение

¹ Там же. Д. 15. Л. 25.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 10–11.

долгих лет не имевшему к ней никакого отношения, признает крайне тягостным для себя и совершенно невозможным». Несмотря на отсутствие в таких ситуациях злоупотреблений физического или психологического характера, канцелярия всё же рекомендовала включать их в число оснований для раздельного проживания супругов¹. Таким образом сотрудники канцелярии имплицитно признавали, что в подобных случаях женщины имели право на саморазвитие и самоопределение, даже в отсутствие злоупотреблений и даже если права женщины угрожали стабильности брака и патриархальной власти.

Признание права личности на самоопределение было четко выражено в реакции Сипягина на пятую статью законопроекта, в которой утверждалось, что «раздельное жительство супругов не может быть разрешено на основании лишь их о том соглашения», и исключительное право решения об их раздельном проживании закреплялось за судами². Против этой пятой статьи Сипягин выступил с наиболее громогласным возражением. По его мнению, и мужчины, и женщины имели право приходиться к взаимным договоренностям, если они могли делать это самостоятельно. Здесь практический опыт канцелярии также предоставлял нужный образец. Чиновники уже регистрировали раздельное проживание супругов и договоры по попечительству, даже помогая их составлять. И, спрашивал Сипягин, если таких соглашений можно было достичь, для чего нужно вмешательство судов? Он хоть и соглашался с мнением редакционной комиссии «о необходимости соблюдать возможную осторожность» при разрешении раздельного проживания супругов, но тем не менее ставил под вопрос целесообразность запретительных мер. Даже если пары расходились «своевольно» по причине «малейшего несходства в нравах» и «в первом пылу случившегося раздора», т. е. на совершенно легкомысленных основаниях, беспокойство редакционной комиссии, выраженное в ее предисловии к законопроекту, было, по мнению Сипягина, несообразно поставленной цели, поскольку такие пары имели бы и полную свободу для восстановления совместного проживания при взаимной договоренности. Таким образом, утверждение договоров о раздельном проживании, достигнутых супругами самостоятельно, «нисколько не может повлечь за собой каких-либо нежелательных последствий»³. Даже напротив, признание судами таких договоренностей играло бы положительную роль. Оно защищало бы права личности, освобождая поссорившихся супругов от необходимости выносить сор из избы на рассмотрение суда: «Супруги, в силу тех или иных причин, признают продолжение совместной жизни невозможным для себя, но в тоже время для них крайне неприятно выносить, без всякой нужды, свои несогласия наружу... Заставлять супругов присутствовать при разборе дела по существу... когда всего этого можно избежать путем простого добровольного соглашения — вряд ли желательно и справедливо»⁴. Канцелярия предлагала, опять же безуспешно, исправить законопроект, включив в него право судов признавать договоренность супругов о раздельном проживании.

¹ Там же. Л. 11 об.

² Там же. Ф 797. Оп. 91. Д. 53. Л. 31 об.

³ Там же. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 15. Л. 14–16.

⁴ Там же. Л. 17–18.

Такие суждения заходили в отношении прав личности намного дальше, чем предлагавшееся в законопроекте, но тем не менее им вполне удавалось уживаться с мнениями в других отношениях весьма консервативными, если не реакционными, такими как требование безусловной поддержки политической системы абсолютизма и установленного общественного порядка. Сипягин, уже в качестве министра внутренних дел, не только предпринимал репрессивные меры в отношении политической оппозиции, но и блокировал все попытки женщин создавать свои организации — за исключением тех, что подпадали под определение филантропии. Будберг в то же время придерживался таких взглядов на социальное устройство, где семейные отношения менялись вместе с общественными, предпочитая правовое разрешение семейных конфликтов, основанное на сословном положении, и в этой связи ставил вопрос о том, будут ли суды «в состоянии одинаково сознательно и справедливо отнестись к семейному спору в крестьянской среде, в семье местного купца... поместного дворянина и в семействе лиц, состоящих на государственной службе»¹. Как же интерпретировать предложения по изменению законодательства и признанию прав личности женщин в брачных отношениях, внесенные канцелярией, которая, в конце концов, была воплощением наиболее характерных черт самодержавия и выступала от его имени?

Одна часть ответа на этот вопрос вполне прямолинейна. Чиновникам очень хотелось избавиться от ответственности за разрешение брачных разногласий, которые с годами становились всё более многочисленными и обременительными, превращая канцелярию, по словам Будберга, в «паспортную экспедицию с особыми полномочиями»². Но это только часть ответа. Если бы она составляла всю суть, зачем бы официальные лица не только перекладывали на судебные органы свои полномочия, но и давали бы при этом, при всем своем партикуляризме, рекомендации, гораздо дальше заходящие в вопросах защиты прав личности в неудачных браках по сравнению с предложенными в законопроекте, представленном судебными реформаторами?

Напрашиваются следующие объяснения, которые могут и не исключать друг друга. Во-первых, лексикон официальных лиц в их реакции на брачные разногласия и в предлагавшихся ими поправках к законопроекту означает, что к концу XIX в. царский режим стал проявлять больше уважения к некоторым правам личности, а именно в определении понятия «личность», предполагающего собственное достоинство, ценность человека как отдельного существа и его свободу от злоупотреблений со стороны властей в области семейных отношений. Это понимание прав личности не включало в себя полного осознания гражданских прав и свобод, таких как свобода слова, печати и т. п., посягавших на основы самодержавия. На рубеже веков мы находим свидетельства уважения к правам личности в этом узком смысле в применении и к другим областям, таким как ослабление паспортных ограничений и прекращение в 1904 г. наказаний розгами по решению местной администрации, а также телесных наказаний в армии.

Второе возможное объяснение лежит в области взаимоотношений личного и политического. Среди специалистов по российской истории, включая меня,

¹ Там же. Д. 21. Л. 111–112.

² Там же. Л. 112.

существует аксиоматическое мнение о том, что российское семейное законодательство полностью отражало систему произвола и абсолютизма политической власти и было ключевым элементом ее деятельности. Но что, если некоторые из высокопоставленных чиновников, скажем из канцелярии, пришли к пониманию того, что отношения между абсолютизмом политическим и абсолютизмом личным не такие уж прямые и что самодержавие может позволить менее авторитарный семейный режим, с усилением признания прав личности в области семейных отношений? Возможно, это поможет объяснить, в частности, заметную терпимость царского режима к сексуальному самовыражению после революции 1905 г. при том, что этот режим продолжал преследовать профсоюзы и ограничивать возможности своих политических противников свободно печататься и организовываться¹.

Итак, к чему мы пришли? Я высказала мнение, что некоторые термины, вошедшие в обиход в 1860-е гг. для критики самовласти как в семье, так и в обществе, стали в последующие десятилетия еще более употребимыми. Термины эти — «деспотизм» и «личность». Они использовались женщинами для описания таких злоупотреблений властью в семье, которые делали их более чем просто жертвами. Кроме того, они применялись и официальными лицами, выступавшими от имени царя при осуждении злоупотреблений со стороны мужчин в отношении женщин. Когда чиновники использовали термины «деспотизм» и «личность», могли ли они сделать эти термины настолько аполитичными, чтобы полностью лишить их того радикального значения, которое им было придано в 1860-е гг.? Мне представляется, что не вполне. Использование чиновниками этих терминов свидетельствует о том, что в последние десятилетия XIX в. взгляды официальных лиц претерпели определенную эволюцию. Эта эволюция явилась результатом более широких культурных перемен и заметного повышения профессионализма чиновников канцелярии, многие из которых к началу XX в. получили юридическое образование. Но на эту эволюцию также повлияли лексикон, опыт и самопредставление обращавшихся к этим чиновникам женщин. Признание чиновниками личных прав женщин может означать и далеко идущие сдвиги в восприятии облеченными властью мужчинами отношений между личностью и государством. Но даже вне этого более широкого контекста эволюция взглядов в отношениях между чиновниками и просительницами была хоть и ограниченной, но вполне реальной.

¹ *Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia. Ithaca, NY, 1992. Part 2.*